

Скоромная Ксения Андреевна
факультет Музыкальный театр, I курс
мастерская А.И. Каневского

Посвящается моей прабабушке
Маргарите Ивановне Палий и ее маме,
моей прапрабабушке, Марии Никитичне Никольской

Оказывается, война...

Вспоминаю воспоминания моей прабабушки, пережившей Великую Отечественную войну в деревне Ивано-Франковской области Украинской ССР.

Что такое война девятилетняя Ритуля (моя нынешняя прапрабабушка) в июле 1943 года искренне не понимала. Значительные боевые действия в их в то время оккупированной местности не велись, но было очень голодно и малоллюдно. Деревня жила почти без всех своих мужчин.

Потом один случай дал понять, что такое война. Оказывается, война это не только взрывы и разруха, кровь и раны, это еще и отпечаток взрослой ноги на спине ребенка.

Тогда было много странного. Странного и нового. Но без удивления, приправленного восторгом открытия чего-то нового, а просто «странного» и просто «нового». И это просто было ТАК, так бесконечно-однозначно: ТАК! Об этом невозможно было спрашивать, рассуждать, выяснять. Никто, даже очень-очень умные взрослые, знающие ответы на все-все вопросы в мире не могли ЭТОГО объяснить. Они тоже жили и принимали это ТАК!

Попробую хоть как-то, нет, не объяснить о чем это я, а описать, как было то ТАК, по отрывочным рассказам моей прапрабабушки.

Маленький кусочек бесцветного, безвкусного хлеба. Хлебушка.

Кладешь его в рот и там сразу же собирается море слюны. Жидкой, жадной, подвижной, все пребывающей и пребывающей, не помещающейся во рту и стекающей тягучими струйками по подбородку сквозь намертво сцепленные зубы-решето, охраняющие размокающий кусочек. Ты легонько, пугающимся языком прижимаешь его к зубам и чуть-чуть елозишь им туда-сюда. И глотаешь, глотаешь, глотаешь слюну, едва-едва приобретающую привкус чего-то. Чего-то того, что так хочется проглотить целиком! Чтобы его было много-много. На весь

живот. Так хочется, чтобы оно плотно набило все внутри и заглушило мучительное состояние изнутри тебя!

Я с этим играла, глотала по чуть-чуть, потом большим глотком и начинала поиск крошек, спрятавшихся где-то между зубов или за щекой. Еще долго-долго можно было обследовать разыгравшимся языком бесконечные закусочки своего рта. А потом, прислушиваться, принюхиваться к послевкусию в казавшейся бездонной пещерой полости своего рта.

Главное было не обращать внимание на то, что творилось ниже. В гулко булькающем, обиженном разочаровании, изголодавшемся животе.

Еще были сладко-жесткие кусочки нижней части травинок. Если сорвать травинку целиком, почти у самого корня, аккуратно вытянуть светло-зеленую мягкую внутренность из наждачно-колючей оболочки и откусить, потом пожевать всеми зубами: сначала передними: мелко-мелко, часто-часто, потом перекидываешь на одну сторону и жуешь, жуешь ароматную, травяную кашу, готовую быть проглоченной, но не глотаешь, а переваливаешь ее языком на другую сторону, пару раз жеванешь и...глотаешь!

Потом вытягиваешь новую сердцевину травинки и все снова: начинаешь мелко-мелко, по-заячьи рубить ее передними зубами...

Ой, о еде можно говорить бесконечно! Еда была бесконечно желанным наслаждением! Но такой она была только потому, что была пугающе редкой. Потому больше удается вспоминать о самом процессе поедания. Это тоже было открытием!

Что такое съесть что-то сейчас: положить в рот, пожевать и проглотить. Все, потом – следующая порция. Ну, иногда придется что-то откусить. А тогда! ТОГДА это был процесс, действие, истинно магическое, ценное само по себе! Как много чувств вызывало именно то, КАК поедает! Во время поедания само время меняло свой ход: оно то замирало, то убегало, то растягивалось. Ты сам весь превращался в одно – поедание.

Тогда еще в нашей деревне появились новые люди. Они были почти все одинаковыми, в одинаковой одежде, в железных касках на голове и странными-странными голосами. Было забавно и интересно слушать их, притаившись где-нибудь за кустом или в высокой траве у забора.

Мама строго-настрого запрещала приближаться к ним, не то что сидеть почти рядом! Больно охаживала тяжелой и вонючей тряпкой куда придется и шипела. Страшно, как видимо, сама смерть: «Только сунься к ним, только сунься! Юшку пушу, на заднице и на подушке сидеть не сможешь!».

У ТЕХ новых были баночки. Круглые, жестяные с разноцветными стеклянными конфетками. Желанными, как утро Рождества, и таким же празднично-сладким названием: монпансье.... Как же они перекатывались в сказочной баночке! С каким томительно-желанным шумом! Вспомнишь и начинаешь рефлекторно сглатывать.

Фрицы, так звали тех людей, лениво посасывали их и негромко курлыкали о чем-то друг с другом.

Однажды один фриц в двух шагах от меня достал из кармана баночку, открыл ее и начал что-то сдувать с поверхности конфеток. То ли пыль, то ли прилипшую к сладости мушку. Дул, дул, тараща глазищи и раздувая изо всех сил сытые щеки, и выдул из баночки одну малюсенькую красненькую стекляшку-конфетку.

Она, как драгоценный рубинчик, плюхнулась в земляную жижу двора. Я ее видела сквозь слой грязно-кофейной водицы в небольшой лужице у ног фрица. Так близко, что голова начинала потихоньку кружить, то ли от голода, то ли от ожидания и предвкушения ее алого сладкого вкуса!

Фриц сделал пару шагов в сторону и принялся что-то рассматривать в нашем небе.

Не владея собой, не понимая, что творю, я в один лягушачий скачек оказалась у той лужи. И вот уже мои пальцы рыщут по мягкому дну лужицы, пытаюсь захватить мерцающую красную капельку.

И вдруг тупой, почти безболезненный толчок невероятной силы, во всю мою спину! И я лечу! Лечу близко-близко от земли и все же над ней. Плюхаюсь в грязь. И то ли поднимаюсь, то ли на четвереньках, как волчонок, продолжаю свой полет звериным бегом. Так, вероятно, бежит заяц от лисы, мышка от кошки и я...от фрица.

Я дома. В хате. Во рту чуть-чуть сладко и горячо от песка.

Мама взглянула на меня, мягко и властно повернула к себе спиной, что-то там посмотрела, вскрикнула и жгуче саданула меня по попе.

Так щипуче и длительно садняще! Я реву, сопли смешались со слезами. Размазываю соль по лицу, а в самом углу за щекой чуть-чуть сладко... И песок скрипит, как только сомкнешь зубы.

Я вою: «За что?!»

Мама показывает фуфайку с отпечатком подметки взрослого сапога во всю спину. И говорит: «ВОТ!!!»

Я не понимаю: «Что ВОТ?!!!»

Мама рыдает, закрыла лицо моей фуфайкой, будто нюхает или клюет ее...

Слезы льются на мою фуфайку не каплями, а темными пятнами маминого страха.

Оказывается, война – это отпечаток взрослой ноги на спине ребенка...